

С. П. Попенкова

Науч. рук. – Е. Л. Гречаникова, ст. преподаватель

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Евангельские образы – универсальный культурный код. На примере произведений А. Блока (поэма «Двенадцать»), Л. Андреева (повесть «Иуда Искариот») и М. Цветаевой (цикл «Магдалина») выявляются особенности трансформации новозаветных образов (Христос, Иуда, Мария Магдалина) в русской литературе начала XX века. Установлено, что евангельские образы утрачивают каноническую однозначность и становятся многозначными символами духовного кризиса эпохи.

Евангелие на протяжении многих веков остаётся важнейшим источником сюжетов, образов и нравственных ориентиров в мировой культуре. Новозаветные образы (Иисус Христос, апостолы, Иуда, Мария Магдалина и др.) – универсальный культурный код, который позволяет авторам вступать в диалог с читателем. Следует отметить, что сюжеты, связанные с жизнью, страданиями и воскресением Иисуса Христа, редко воспроизводятся художественной культурой Нового времени в каноническом виде.

Обращение к Евангелию приобретает особое значение для русской литературы начала XX века. Духовный кризис и поиск новых ориентиров в условиях социальных потрясений приводят к намеренному уходу от традиционного, канонического понимания Евангелия: авторы вступают в диалог с библейским текстом, новозаветные образы приобретают в художественных текстах многозначность и внутреннюю противоречивость.

Образ Христа в традиционном христианском понимании – воплощение божественной истины, жертвенной любви и нравственного идеала. Однако в литературе начала XX века он подвергается переосмыслению. Так, **образ Иисуса Христа в поэме А. Блока «Двенадцать»** становится одним из наиболее дискуссионных и, как отмечает Е. В. Грудинина в статье «Трансформация образа Иисуса Христа в творчестве А. Блока...», «отражает состояние человека в эпоху исторических катастроф, когда прежние ценностные ориентиры разрушены, а новые ещё не сформированы» [2].

А. Блок демонстрирует духовную деградацию и утрату истинной веры. Проблема формальной религиозности раскрывается автором через

поведение и речь красногвардейцев, насыщенную искажёнными религиозными формулами и сниженной лексикой. Так, в выражениях «святая злоба» [1], «мировой пожар в крови – Господи, благослови» [1] обнаруживается внутреннее противоречие: сакральные понятия соединяются с агрессией и нравственной вседозволенностью.

Важным элементом является и мотив греха без покаяния. Реплики героев («согреши – будет легче для души» [1], «позабавиться не грех» [1]) свидетельствуют об утрате нравственных ориентиров: грех осмысливается не как духовное падение, а как допустимая и даже желательная форма поведения. В финальной части поэмы строка «И идут без имени святого все двенадцать – вдаль» [1] подчёркивает разрыв с традиционной религиозной системой. Герои движутся вперёд, но их путь лишён духовного основания.

Появление Христа в главе 12 контрастирует с предшествующим изображением действительности: «В белом венчике из роз – // впереди – Иисус Христос» [1]. Образ «Исуса» предполагает множество интерпретаций. Так, Е. В. Грудина отмечает, что Христос, идущий впереди красногвардейцев, может восприниматься как символ иллюзорной уверенности в собственной «праведности», но также отражает трагизм исторической ситуации начала 20 века, когда люди утрачивают веру и при этом механически воспроизводят коды христианской культуры. В такой трактовке образ Христа фактически *сближается с образом Антихриста*, отражая «кризис традиционного христианства» [2, с. 61].

В традиционной интерпретации Христос – *символ надежды на прощение*. И. Ю. Матвеева в статье «Впереди – Иисус Христос: эмблема духовной революции в творчестве А. Блока» определяет образ Иисуса как *символ нового мира, новой эпохи*, духовной революции и видит в нём не «богочеловека церковной традиции» [3, с. 115], а творца, «*пророка нового типа*» [3, с. 108]. В этом случае белый цвет («...надвьюжной», «поступью жемчужной», «в белом венчике из роз») может восприниматься как возможность нравственного возрождения, связанная с христианской идеей милосердия, а искажение имени Иисуса символизировать *близость к народу*.

Образ Иуды Искарота в литературе начала XX века существенно трансформируется. Писатели уходят от однозначной негативной оценки и обращаются к внутреннему миру персонажа, его мотивации и рефлексиям. В результате Иуда предстаёт как сложная, трагическая фигура, что отражает общий интерес эпохи к психологической глубине личности и проблеме морального выбора.

В *повести Л. Андреева «Иуда Искарот»* происходит радикальное переосмысление традиционного евангельского образа. Текст

представляет собой, по выражению Э. Ширвановой, «*стилизованный апокриф*» [4, с. 52], в котором автор стремится проанализировать причины предательства Иуды и предлагает «совершенно противоположную общепринятой трактовку евангельских событий» [4, с. 50]. Противоречивость, амбивалентность андреевского Иуды проявляется уже на уровне портретных характеристик: «одна сторона его... живая, подвижная... на другой же... мертвенно гладкая» [5].

Иуда у Л. Андреева не злодей, а трагическая фигура, в которой сосредоточено «*таинственное двойничество*» [4, с. 53]. Автор переосмысливает и мотив предательства, которое становится своеобразным экспериментом: «У Иуды остаётся лишь одна возможность... предать Христа, чтобы посмотреть, как будут вести себя <...> люди» [5]. Андреевский Иуда испытывает к Христу сложное, противоречивое чувство, включающее и любовь, и ревность:

«— Но ты его любишь? Ты как будто никого не любишь, Иуда.

С той же странной злобою Искарот бросил отрывисто и резко:

— Люблю» [5].

Поскольку Иуда убеждён, что понимает Христа глубже других, его поступок приобретает парадоксальный характер: предательство становится формой доказательства любви: «Да! Целованием любви предаем мы тебя!» [5]. Л. Андреев изображает своего героя как избранного ученика, обладающего знанием о предстоящей жертве. В интерпретации Л. Андреева Иуда осмысливается как *трагический соучастник* евангельской драмы, своего рода «творец распятия»: «Спокойно и холодно Искарот оглядывает умершего... Теперь всё время принадлежит ему, и идет он неторопливо, теперь вся земля принадлежит ему, и ступает он твердо, как повелитель, как царь, как тот, кто беспредельно и радостно в этом мире одинок» [5]. Как отмечают Э. Н. Ширванова и Р. М. Гаджиева, Л. Андреев «пытается *оправдать поступок Иуды* <...>, поставив тем самым под сомнение евангельскую истину» [4, с. 50]:

«— Ты молчишь, господи? Ты приказываешь мне идти?

И снова молчание. <...>

— Я иду» [5].

Финал повести трагичен: герой не находит истины и не достигает внутреннего оправдания. Таким образом, образ Иуды становится выразителем кризиса веры и нравственных ориентиров эпохи, а его поступок — не только преступлением, но и попыткой переосмысления самого понятия истины:

«— Ну что же! Я пойду в ад! И на огне твоего ада я буду ковать железо и разрушу твое небо. Тогда ты поверишь мне? Тогда пойдешь со мною назад на землю, Иисус? Так встретить же меня ласково, я очень устал, Иисус.

И прыгнул. Веревка натянулась, но выдержала: шея Иуды стала тоненькая, а руки и ноги сложились и обвисли, как мокрые. Умер» [5].

Образ *Марии Магдалины* в евангельской традиции ассоциируется с покаянием и духовным преображением. В литературе XX века фокус смещается на внутренний конфликт личности. Как указывает М. А. Стешенко, «прецедентный библейский антропоним функционирует как “культурный знак”, активирующий целый комплекс ассоциативных значений, среди которых доминируют любовь, покаяние, страдание и стремление к духовному преображению» [6]. Образ *«раскающейся грешницы»* в поэзии *М. Цветаевой* (цикл «Магдалина» и др.) в индивидуально-авторской интерпретации становится символом абсолютной, жертвенной любви, сопряжённой с внутренней трагедией. М. Цветаева смещает акцент с идеи покаяния на экзистенциальную напряжённость чувства. Любовь Магдалины – это не только вера, но и страсть, самоотдача, форма бытия личности. Как отмечает М. А. Стешенко, «телесность... становится знаком покаяния и чистоты» [6, с. 62]. Таким образом, физическое и духовное не противопоставляются друг другу. И их гармоничное единство ярко проявляется в портрете героини. В стихотворении «Масти, плочённые втрое» детали внешнего облика и душевного состояния сливаются в неразрывный поток: «Слезы, волосы – сплошное / Исструение...» [7].

Страдание в интерпретации М. Цветаевой – неотъемлемая форма существования любви, оно связано с невозможностью полного соединения с возлюбленным, с осознанием дистанции, с внутренним конфликтом между чувством и запретом. «Меж нами – десять заповедей: / Жар десяти костров» [7]. «Жар» страсти здесь сталкивается с сакральным «Законом», и это напряжение, как показывает М. А. Стешенко в статье «Библейские антропонимы “Иосиф Прекрасный” и “Мария Магдалина” в поэтической интерпретации Марины Цветаевой», переводит сюжет из плоскости морали в плоскость экзистенциальной драмы женской души.

Таким образом, библейские персонажи в литературе начала XX века утрачивают однозначность канонической трактовки и становятся объектом глубокой индивидуально-авторской интерпретации. У А. Блока образ Христа – многозначный символ эпохи, отражающий как утрату веры, так и поиск новых духовных ориентиров. Фигура Иуды в повести Л. Андреева перестаёт быть однозначным воплощением предательства; автор изображает его как сложную, трагическую личность, а его поступок – как парадоксальную попытку доказать свою любовь и стать «соучастником» самопожертвования. Образ Марии Магдалины у М. Цветаевой утрачивает связь с традиционным мотивом покаяния и превращается в символ жертвенной любви, в которой неразрывно

связаны духовное и телесное, а страдание осмысливается как неотъемлемая часть любовного чувства.

Список литературы

- 1 Блок, А. А. Двенадцать / А. А. Блок. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html>. (дата обращения: 20.04.2026).
- 2 Грудинина, Е. В. Трансформация образа Иисуса Христа в творчестве А. Блока: от ранней лирики к поэме «Двенадцать» / Е. В. Грудинина // Неофилология. – 2018. – Т. 4, № 16. – С. 54–64.
- 3 Матвеева, И. Ю. «Впереди – Иисус Христос»: эмблема духовной революции в творчестве А. Блока / И. Ю. Матвеева // Соловьёвские исследования. – 2024. – Вып. 1 (81). – С. 108–124.
- 4 Ширванова, Э. Н. Образ Иуды Искарота в контексте канонического и апокрифического Евангелия в одноименной повести Леонида Андреева / Э. Н. Ширванова, Р. М. Гаджиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33, вып. 4. – С. 50–58.
- 5 Андреев, Л. Н. Иуда Искарот / Л. Н. Андреев. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1203/p.1/index.html>. (дата обращения: 20.04.2026).
- 6 Стешенко, М. А. Библийские антропонимы «Иосиф Прекрасный» и «Мария Магдалина» в поэтической интерпретации Марины Цветаевой / М. А. Стешенко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2016. – № 2. – С. 60–65.
- 7 Цветаева, М. И. Магдалина («Меж нами десять заповедей...») / М. И. Цветаева. – URL: <https://ilibrary.ru/text/3081/index.html>. (дата обращения: 20.04.2026).